

Хотя он успел упереться руками в столешницу, поясница всё равно сильно ударилась об острый угол. Боль пронзила тело. Слезы готовы были хлынуть из глаз, но, вспомнив слова Лу Куаньдуна о том, как тот ненавидит его слёзы, Юй Тяо изо всех сил сдержал порыв.

— Извини. В следующий раз я не буду угадывать ответы, — тихо пробормотал Юй Тяо.

Не смея больше встречаться взглядом с Лу Куаньдуном, он, придерживая ушибленную поясницу, вышел из комнаты.

Вернувшись к себе, он посмотрел в зеркало: синяка не было, и он выбросил это из головы.

Он присел на диван. Окно оставалось открытым, легкий сквозняк колыхал шторы, но холод совсем не ощущался. Опустив взгляд и прикрыв глаза, Юй Тяо попытался спрятать нахлынувшее одиночество.

Тяжело выдохнув горячий воздух, он почувствовал, как тело вновь затапливает жар. Он успел заметить закономерность: стоит эмоциям выйти из-под контроля, как железа тут же дает о себе знать. Иногда ему казалось, что дело не в его собственной слабости, а в чрезмерной капризности этой чертовой железы — срезать бы ее однажды, и делу конец.

Ерунда, конечно. Лишь глупая мысль, которую он позволил себе прокрутить в голове. Поврежденный после неудачной операции орган жил с ним уже несколько лет, став неотделимой частью тела, и его удаление приведет к необратимым последствиям для здоровья.

Горячо... Будто языки пламени лизали кожу, на щеках вспыхнул нездоровый румянец. Он словно оказался заперт в эпицентре пожара, где едкий дым застилал всё вокруг, забивал легкие и мешал сделать хотя бы вдох.

Блокирующий пластырь, закрывавший железу на заживке, незаметно соскользнул — Юй Тяо, сам того не сознавая, сорвал его и теперь бессознательно растирал воспаленную кожу короткими ногтями, отчего она покраснела еще сильнее.

В полном тумане он добрал до ванной и снова встал под ледяные струи душа, даже не сбросив одежду. Затем, повинуясь мышечной памяти, достал из шкафчика снотворное и проглотил таблетки, не запивая.

Сдернутое с вешалки банное полотенце соскользнуло с плеч, накрыв его подобно пледу. Упав на кровать, он мгновенно провалился в беспамятство.

Сколько прошло времени, он не знал. Сны накатывали, точно морской прибой, но этот сон разительно отличался от обычных кошмаров, из которых невозможно вырваться. Юй Тяо снился день, когда он, только поселившись в доме семьи Лу, впервые увидел Лу Куаньдуна в настоящем гневе.

Не в том привычном язвительном раздражении, а в подлинной, всесокрушающей ярости.

Должно быть, недавняя вспышка Лу Куаньдуна заставила Юй Тяо на мгновение вернуться в прошлое.

В те дни прислуга еще не охамела до такой степени, как сейчас. Поговаривали, будто Молодой господин Лу лично явился к Юй Тяо, чтобы предложить брачный союз, так что слугам приходилось хотя бы делать вид, что они проявляют уважение. Их отношение стояло далеко от должного почтения, но всё же было лучше нынешнего пренебрежения.

Получив деньги, Юй Тяо честно исполнял условия договора. Вот только Лу Куаньдун всё равно время от времени оставался чем-то недоволен.

Однажды у Лу Куаньдуна начался период восприимчивости. Юй Тяо передал упаковку подавителей дворецкому и, выполнив свою обязанность, отправился на кухню печь яичные тарталетки.

Лу Куаньдун запрещал ему свободно перемещаться, а о любом выходе за пределы дома требовал докладывать дворецкому. Коротая от тоски целые дни в четырех стенах, Юй Тяо начал увлекаться кулинарными экспериментами.

В карманных деньгах Лу Куаньдун его не ограничивал: стоило лишь заикнуться о какой-то вещи, как на следующий же день ее доставляли в особняк. Первым, прошение о чём направил Юй Тяо, стал маленький духовой шкаф.

В доме, конечно, имелась общая кухня, но слуги постоянно выживали его оттуда с нескрываемым отвращением. Юй Тяо хотелось иметь небольшую духовку, чтобы возиться с ней в одиночестве.

Всех Омег, работавших на вилле, предупредили, что в ближайшие пару дней им лучше не появляться. Каждый период восприимчивости у Лу Куаньдуна протекал тяжело и сопровождался настолько мощным выбросом феромонов, что обычный Омега просто не смог бы выстоять.

Однако на кухне Юй Тяо застал одного из слуг-Омег: тот стоял перед настержь распахнутым холодильником, пытаясь остудиться холодным воздухом. Было очевидно, что феромоны Альфы уже возымели на него действие.

— Ты как? — Юй Тяо удивился, почему тот до сих пор здесь. — Встать сможешь? Давай помогу тебе выйти?

Омега резко оттолкнул его руку. На его покрасневшихся щеках горел нездоровый румянец, а с губ срывался сбивчивый шепот:

— Феромоны Молодого господина... Я справлюсь... Я смогу выдержать...

Юй Тяо лишь промолчал.

К счастью, их брак с Лу Куаньдуном был чисто деловым соглашением. Будь на его месте кто-то другой, ситуацией бы давно пренебрегли или устроили сцену. Юй Тяо не стал обижаться на грубость и доброжелательно посоветовал:

— Лучше уходи побыстрее. Мне и то становится невыносимо больно, когда Лу Куаньдун кусает мою железу, а ты ведь Омега.

Но для слуги, мечтавшего привязать к себе Молодого господина, эти слова прозвучали как откровенная хвастливая насмешка.

— Чем ты выпендриваешься?! Ты же просто ничтожная замена... — гневно огрызнулся Омега, но тут же спохватился, вспомнив, что он всего лишь прислуга. Закрыв глаза, он попытался сделать вид, будто ничего не произошло.

— В таком случае, не мог бы ты перенести свой период течки в другое место? — Юй Тяо больше не желал продолжать этот разговор. — Мне нужно приготовить еду, подвинься.

— Я должен увидеть Молодого господина... Позволь мне увидеть его... Молю тебя... — от феромонов Лу Куаньдуна тело слуги совсем размякло. Судя по пылающему лицу, лихорадка стремительно нарастала. Если он не получит хотя бы временной метки или помощи Альфы, дело действительно могло закончиться плохо.

Юй Тяо тяжело вздохнул. Подхватив Омегу под руку, он потащил его к выходу:

— Мешать Лу Куаньдуну я не стану. Пусть лучше дворецкий отвезет тебя в безопасное место.

Узнав о случившемся, дворецкий с поклоном произнес:

— Принесите наши извинения, господин Юй. Мы недосмотрели. Пожалуйста, не принимайте его слова близко к сердцу.

— Ничего страшного, — Юй Тяо улыбнулся, сохраняя обычное спокойствие. — Кстати, заготовку для тарталеток, которую я покупал, не выбросили?

— Что вы, я велел слугам всё сохранить в лучшем виде.

— Спасибо.

Юй Тяо уже собрался уходить, когда дворецкий окликнул его:

— Господин Юй, может, зайдёте к Молодому господину? Период восприимчивости у него бывает редко, но протекает крайне тяжело. Даже с подавителями ему сейчас очень непросто.

— Пожалуй, не стоит. Он не любит, когда я лезу не в свои дела, — Юй Тяо удивился про себя: дворецкий ведь постоянно находился подле Лу Куаньдуна, как он мог не знать характера своего хозяина? — К тому же я Бета и ничем не смогу ему помочь.

— Но он только что произносил ваше имя, — дворецкий не отступал. — Поднимитесь, проведите его.

Яичные тарталетки или Лу Куаньдун?

Юй Тяо оказался перед дилеммой.

— А он точно не станет на меня орать? — спросил он, пытаясь получить хоть какую-то гарантию. Приготовление тарталеток, по крайней мере, не сулило никаких неприятностей.

Дворецкий виновато почесал кончик носа:

— На девяносто девять и девяносто девять сотых процента... нет.

В воздухе повисла тишина. Поджав губы, Юй Тяо отвел взгляд и мысленно настроил себя: в самом худшем случае его просто выставят за дверь, ничего страшного.

В итоге тарталетки уступили Лу Куаньдуну.

— Ладно, я поднимаюсь.

Несмотря на работающий теплый пол, Юй Тяо казалось, будто от мраморных плит веет сырым, пронизывающим холодом, поднимающимся от самых ступней. Застыв перед дверью, он почувствовал давящую тяжесть в груди. Сглотнув слюну, он замер на мгновение, осознав: он нервничает.

Альфа в период восприимчивости действительно не слишком-то жалуется Бету, пробормотал про себя Юй Тяо и постучал.

— Войди, — отозвался Лу Куаньдун.

Потирая пульсирующий висок, он устало разомкнул веки, но, увидав Юй Тяо, нахмурился еще сильнее. Голос его прозвучал холодно, как зимний лед:

— Убирайся. Обычно тебе ни до чего нет дела, с чего вдруг такая заботливость?

Юй Тяо промолчал.

«Держаться в стороне и не лезть — не он ли сам установил это правило? И опять срывает злость на мне».

Опустив голову, Юй Тяо тихо откликнулся:

— Ох.

Вся его прежняя тревога разлетелась в прах. Связаться с Лу Куаньдуном было глупейшим решением в его жизни.

Едва Юй Тяо кивнул и мысленно начал подбирать слова, чтобы объяснить дворецкому, почему его визит не продлился и минуты, как снова раздался голос Лу Куаньдуна:

— Подожди.

Застыв в дверном проеме, Юй Тяо смог наконец разглядеть состояние хозяина комнаты. В одном дворецкий не соврал: подавители действительно работали плохо.

Легкая домашняя одежда Лу Куаньдуна была измята, на босых ногах едва держались тапочки, а на запястьях алели свежие следы от зубов. Лу Куаньдун не щадил железу Юй Тяо, но и к себе относился не менее жестоко — укус был прокушен до крови.

«А может, купить ему детский прорезыватель для зубов?» — мысль показалась Юй Тяо гениальной. Отличная же идея, почему никто до сих пор не додумался?

— А впрочем... Ты тоже сойдешь, — Лу Куаньдун сделал манящий жест рукой. — Подойди. Дай мне тебя обнять.

— Может, мне лучше найти для тебя Омегу? — испугавшись в последний момент, ляпнул Юй Тяо первое, что пришло в голову. — Скажем, с совместимостью в восемьдесят процентов. Нужен?

Грудь Лу Куаньдуна тяжело вздымалась — он издал короткий смешок, явно разозленный:

— Юй Тяо, мы вообще-то в браке. Ты предлагаешь мне искать другого Омегу? Не боишься, что под действием периода восприимчивости я случайно поставлю ему полную метку?

Юй Тяо замялся:

— Можно надеть намордник с блокиратором укусов. Омега хотя бы сможет успокоить твои феромоны, а от меня толку никакого, я просто стою рядом.

— Подумаю об этом позже, сейчас уже поздно, — на сей раз Лу Куаньдун почему-то с упрямым упорством требовал присутствия Юй Тяо. — Подойди же.

Стоило Юй Тяо сделать шаг ближе, как Лу Куаньдун сгреб его в охапку и повалил рядом с собой. Из-за этого движения одеяло сбилась, и Юй Тяо в панике воскликнул:

— Лу Куаньдун, я же обут!..

Не успел он договорить, как горячие, словно огонь, пальцы Лу Куаньдуна обхватили его щиколотку. Раздалось два коротких стука — обувь полетела на пол.

Одним движением руки Альфа притянул Юй Тяо вплотную. Сердце Лу Куаньдуна колотилось как бешеное; прижавшись левым ухом к его груди, Юй Тяо ощущал каждый его оглушительный удар и невольно мерно поднимался и опускался в такт его тяжелому дыханию.

Лу Куаньдун сдержал слово: он просто сжимал его в объятиях, больше ничего не предпринимая.

Физических истязаний не последовало, но эмоциональная пытка была неизбежна. Спустя пару минут у самого уха Юй Тяо раздался охрипший голос Лу Куаньдуна:

— И впрямь Бета. Бесполезный. Ни феромонов не чувствуешь. Ни метку поставить нельзя. Ты что, цветок в горшке? Только и годен, что для красоты.

Юй Тяо промолчал, а потом впервые набрался смелости возразить:

— Зачем же ты тогда только что сказал: «Ты тоже сойдешь»?

— В прямом смысле, — отрезал Лу Куаньдун. — У тебя тело холодное, сгодишься вместо грелки со льдом.

Он лгал.

Юй Тяо отчетливо это понял. Обыкновенно Лу Куаньдун ограничивался первой фразой, не снисходя до оправданий, либо просто бросал: «Заткнись и слушай, что тебе говорят».

«Ты тоже сойдешь»... Тоже.

«Ты же просто ничтожная замена...» — звенящий от обиды голос того слуги-Омеги эхом отозвался в его памяти.

Юй Тяо и раньше допускал подобную мысль, вот только никогда не знал, кого именно он заменяет.

Круг общения Лу Куаньдуна состоял исключительно из представителей высшего света. А он, Юй Тяо — обыкновенный офисный работник, человек незамысловатый и ничем не примечательный. Чьей тенью он мог служить?

— О чем думаешь?

— Ни о чем.

— Не смей отвлекаться.

Юй Тяо замолчал. За все время их брака Лу Куаньдун то и дело проявлял странное собственничество. Юй Тяо искренне не понимал, зачем тратить эти порывы на человека, к которому не питаешь ни капли чувств.

— Ни о чем я не думаю. Через пару дней я хотел бы съездить в больницу. Можно мне отлучиться? — спросил Юй Тяо.

Лу Куаньдун опустил взгляд на лежащего в его объятиях Юй Тяо:

— Что случилось?

— Просто плановый осмотр, — Юй Тяо коснулся задней стороны шеи. — Моя железа оперирована, требуется регулярное наблюдение врача.

— Хорошо, — Лу Куаньдун снова закрыл глаза. — Пусть дворецкий тебя сопроводит.

Не имея возможности чувствовать феромоны, Юй Тяо ощущал лишь мерное, теплое дыхание Альфы и постепенно погрузился в сон. Тогда он еще не догадывался, что предстоящий визит к врачу окончательно перевернет его жизнь, разорвав последнюю нить вины перед Лу Куаньдуном.

В больнице после осмотра врач нахмурился и замешкался, заявив, что состояние железы Юй Тяо выглядит странным. На вопрос о том, состоял ли он в последнее время в связи с Альфой и получал ли порции феромонов, Юй Тяо кивнул.

— Если возникнут приступы беспричинного жара, немедленно обратитесь к нам. Пока критических отклонений нет, — доктор протянул ему направление. — И зайдите ещё в кабинет дерматолога.

От дворецкого пришло сообщение: Молодой господин срочно вызвал его по делам, поэтому он попросил Юй Тяо написать, когда тот благополучно доберется домой.

Юй Тяо не хотел никого беспокоить, поэтому сразу отправил ответ, что уже вернулся, а сам направлялся на прием к дерматологу. Врач подтвердил слова предыдущего специалиста, но между делом добавил, что родинку между бровями лучше удалить — она имеет риск злокачественного перерождения.

Юй Тяо невольно коснулся лба. Эта родинка не была врожденной, а когда именно она появилась, он уже и не помнил.

Заметив его замешательство, врач доброжелательно улыбнулся:

— Родинка действительно пикантная. Жаль расставаться?

Юй Тяо поспешно покачал головой, но движение вышло неуверенным. Он действительно колебался: Лу Куаньдун как-то обронил, что ему нравится эта отметина.

Если удалить ее, станет ли Лу Куаньдун еще более раздражительным? Юй Тяо так хотелось, чтобы тот относился к нему чуточку теплее, чтобы можно было хоть на шаг приблизиться к тому родному образу из прошлого.

Но затем он одернул себя: Лу Куаньдун — это Лу Куаньдун, а не кто-то другой. Тоска по прошлому не должна оправдывать поиски слепого заменителя. Так нельзя.

— Хорошо, доктор. Сколько времени это займет? — Юй Тяо опустил руку, а вместе с ней и последнюю тень сомнений.

— Буквально пару минут. После процедуры три дня не мочите это место. Когда будете умываться, обходите его стороной, иначе останется рубец.

К собственной внешности Юй Тяо относился равнодушно. В школьные годы он наслушался

сполна, что уродлив: одноклассники силой зажимали его в углу, заставляли корчить мины и снимали на камеру, чтобы потом вывесить снимки на стенгазете. Из-за этого он долгое время панически боялся своего отражения.

— Я понял.

Лёжа на кушетку, Юй Тяо зажмурился. Сквозь закрытые веки пробился мягкий свет. Защёлкал лазер, мерно доносился ритмичный треск аппарата.

Покинув клинику, Юй Тяо, пренебрегши предписаниями врача, зашел перекусить и съел порцию горячего малатана. Домой он вернулся уже на закате. Как раз в этот момент из подъехавшего автомобиля выходил Лу Куаньдун. Густые сумерки опускались на город, размывая границы мира, но четко очерчивали силуэт Альфы. Накинув пиджак на плечи, Лу Куаньдун насупился и нервным движением ослабил галстук, отчего на его кисти вздулись вены.

Проглотив последний кусочек захваченной по дороге тарталетки, Юй Тяо хотел было поздороваться, но Лу Куаньдун прошёл мимо, обдав его лишь прохладным порывом воздуха. Опустив поднятую руку, Юй Тяо погладил живот, раздумывая, под каким предлогом отказаться от ужина.

— Не принимайте близко к сердцу, господин Юй. У Молодого господина сегодня просто дурной день... — попытался сгладить углы подошедший дворецкий, но внезапно осекся. В его глазах мелькнуло подозрение: — А что это у вас со лбом? Почему там краснота?

Юй Тяо качнул головой, давая понять, что не обижен, и спокойно объяснил:

— Врач сказал, есть риск перерождения родинки, поэтому я ее удалил.

Взгляд дворецкого мгновенно изменился: спокойствие сменилось паникой, а сам он будто окаменел. Всегда сдержанный, он вдруг заговорил торопливо и спутанно:

— Господин Юй... Если Молодой господин скажет вам что-нибудь резкое, заклиная вас, не принимайте на свой счет! Его с детства не баловали любовью в семье, он очень раним и совсем не умеет любить... Не держите на него зла!

Юй Тяо кивнул. Не совсем понимая, к чему всё это, он из вежливости поинтересовался:

— А почему у него испортилось настроение?

Дворецкий уклончиво ответил:

— На банкете встретил того, кого меньше всего хотел видеть.

— Понятно. Я могу сразу пойти принять душ? Ужинать совсем не хочется.

— Разумеется, я передам Молодому господину.

Так легко согласился? Юй Тяо порадовался, что по дороге успел перекусить любимым фастфудом с лотка.

Приняв душ, Юй Тяо собрался высушить волосы. Потянувшись к перепутанному шнуру фена, он расставил руки, и в тот же миг кто-то сзади властно обнял его за талию. Юй Тяо вздрогнул от неожиданности.

Лу Куаньдун уткнулся подбородком в его шею. Его волосы — жесткие, под стать характеру — колюче кололи щеку Юй Тяо, заставляя того вжать голову в плечи.

— Что случилось?

— Паршиво на душе, — бросил Лу Куаньдун.

Отложив фен, Юй Тяо повернулся к нему:

— Я могу узнать, в чем дело?

— Нет.

— Понял.

«И психованный же ты», — подумал про себя Юй Тяо.

Лу Куаньдун медленно приподнял веки. Его взгляд скользнул по губам Юй Тяо, поднялся к носу и замер ещё выше... Переносица Альфы мгновенно сморщилась, глаза сощурились, а в глубине зрачков закипела тьма, предвещавшая страшную бурю.

Разжав пальцы на его талии, Лу Куаньдун отступил. Студёная, жестокая злоба исказила его черты.

— Зачем ты на самом деле ездил в больницу? — отчеканил он.

Голос его, точно ледяной поток, обрушился на Юй Тяо, заставив сжаться всё внутри. Испугавшись этой неожиданной ярости, Юй Тяо попятился и осел на стул, едва выдавив:

— На... на осмотр.

Лу Куаньдун надвинулся на него, схватил за подбородок. В его глазах полыхал леденящий огонь дикого зверя, затаившегося перед броском:

— Где родинка?

— У... удалил...

— Кто позволил тебе её трогать?!

Не дав ему опомниться, Лу Куаньдун с силой рванул его за воротник, а затем впился пальцами в сырые волосы на затылке. Хватка была железной: спотыкаясь и захлебываясь от боли, Юй Тяо был вынужден волочиться за ним.

Боль в коже головы была невыносимой, слезы сами брызнули из глаз. В школьные годы с ним поступали так же — с той же жестокой, самодовольной безнаказанностью, не оставляя и шанса на сопротивление. Словно гибкий стебель бамбука перед занесенным топором.

Ощущение тотальной беспомощности спровоцировало острую паническую атаку. Тело Юй Тяо забилося в мелкой дрожи, и он лишь бессмысленно шептал просьбы отпустить его.

Грохот, звон, треск — Юй Тяо швырнули на кафельный пол ванной. Тупая боль в спине откликнулась в самом черепе, вызывая тошнотворное головокружение. Со стеллажа рядом со скрежетом полетели флаконы и баночки.

В следующий миг ему в лицо хлестнула пачка документов. Острый край бумаги чиркнул по щеке, оставляя тонкий кровавый след. Прежде чем он успел прийти в себя, над ним нависло перекошенное от ярости лицо Лу Куаньдуна:

— Читай! На время брака ты обязан сохранять тот вид, который имел до свадьбы! Твое лицо принадлежит мне! Пока я не разрешу, ты не смеешь менять на нем ни единой детали!

— Врач... это врач посоветовал удалить её... Лу Куаньдун, включи свет, пожалуйста... Умоляю... Тут так темно...

— Ты с врачом в брак вступал или со мной?!

Света он так и не дождался — вместо этого на него обрушилась ледяная струя из душа. Холодный поток заплескивал глаза, заливал рот, а сверху раздавался безапелляционный голос Лу Куаньдуна:

— Я предупреждал, что терпеть не могу чужих слез. Не можешь остановиться — сиди под ледяной водой.

Задыхаясь и кашляя от попадавшей в нос и горло воды, Юй Тяо снова почувствовал себя в том заброшенном школьном спортзале — среди запаха старой резины, пыли и застарелой плесени. Прикрывая лицо дрожащими руками, он уже почти не осознавал реальности:

— Не бей меня... Пожалуйста, не бей...

Если бы не поток воды из душа, Лу Куаньдун заметил бы, как холодный пот заливает виски Юй Тяо. Он вовсе не собирался поднимать на него руку — просто был вне себя от злости, а Юй Тяо так некстати попался под горячую руку.

Вот только в чём была вина Юй Тяо? Он лишь съел тарталетку, съездил в клинику, принял душ... И наткнулся на небывалый, беспощадный гнев.

— Юй Тяо, если ты продолжишь выкидывать подобные фокусы, — Лу Куаньдун медленно опустил на корточки, вглядываясь в его намокшие ресницы, — вернешь все выплаченные тебе деньги до последнего юаня, и мы расторгнем договор.

«Не бойся, я сейчас выбью дверь!»

«Не бойся, я зажег свет, теперь здесь совсем светло...»

Перед глазами Юй Тяо возникла чужая тень — лицо, невероятно похожее на лицо Лу Куаньдуна. Нет, совсем непохожее, тут же возразил себе Юй Тяо. Тот человек всегда тепло улыбался, протягивал ему руку и вытягивал из мрака на залитый солнцем свет.

Но этот призрачный образ смыла ледяная струя.

Здесь не было никакого солнца. Была лишь студёная вода, возвращавшая его к суровой реальности, да Лу Куаньдун, вечно дышащий высокомерием и жестоким холодом.

— Ты — не он... — едва слышно пролепетал Юй Тяо, трясаясь от холода. — Ты не он...

Лу Куаньдун никогда не обнимет его с нежностью, никогда не улыбнется ему тепло.

Впрочем, Альфа даже не прислушивался к его шепоту:

— Сиди здесь и думай над своим поведением. Наш брак — сугубо коммерческая сделка. Изволь соблюдать условия договора.

Шаги начали удаляться. Из коридора донесся сухой приказ Лу Куаньдуна прислуге:

— Запереть Юй Тяо в комнате. Никуда не выпускать без моего разрешения.

— Слушаемся.

Дверь осталась приоткрытой, и насмешливые шепотки слуг беспрепятственно долетали до его слуха:

— Я как увидела его со лбом заклеенным, сразу поняла: быть беде. Надо же додуматься — родинку выжечь!

— Да кабы не эта родинка, один в один как у того юноши из семьи Хань, разве сподобился бы Молодой господин на нем жениться?

— Слыхали? На банкете Хань Ло появился под ручку с каким-то Альфой. Вот наш хозяин и бесится!

— Я ж говорила, нет у Молодого господина к нему никаких чувств. А вы все перед ним выслуживались! Развод — вопрос времени.

Хань Ло.

Так вот о ком шла речь.

«Наконец-то имя найдено», — подумал Юй Тяо.

Слезы смешивались с ледяными струями душа, и только эта неживая вода была свидетельницей его боли.

Ему следовало четче проводить границы. Вся редкая мягкость, которую Лу Куаньдун изредка проявлял после свадьбы, была лишь разыгранным спектаклем.

Из-за отсутствия любви он требовал от Юй Тяо неукоснительного соблюдения дистанции. Но, желая заставить Хань Ло ревновать и проявлять участие, позволял Юй Тяо находиться подле себя во время гона.

Оказалось, даже такой человек, как Лу Куаньдун, способен на детское самообманное упрямство.

Хрупкое перемирие между ними разлетелось вдребезги — руками и Лу Куаньдуна, и его собственными.

Юй Тяо мысленно произнес: «Ничего. Больше не нужно чувствовать вину».

Они с Лу Куаньдуном стоят друг друга.

Оба — отвергнутые, жаждущие несбыточного.

Оба — глупцы, пытающиеся найти в этом мире две абсолютно одинаковые снежинки.

<http://bllate.org/book/20424/2111825>